

Александр ЮДИН

ДОЛГИЙ-ДОЛГИЙ ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

*Мы не останемся нигде
И канем вглубь веков,
Как отраженья на воде
Небес и облаков.*

Давид Самоилов

Скорая приехала быстро.

— На что жалуетесь? — поинтересовался врач с аккуратной седой бородкой, усаживаясь на стул рядом с диваном.

— Сердце, доктор, — сдавленно прошептал Владимир Иванович. — С год назад у меня случился инфаркт... а сегодня, как пришёл с работы, за грудиной прихватило, аж дышать больно. Думал, ночью отпустит, но — только хуже. Вот вызвал вас.

— Та-ак, посмотрим: кожные покровы у нас серые, дыхание прерывистое... Где работаете?

— В консалтинговой компании судебным юристом.

— Понятненько. Работёнка, полагаю, нервная. Сколько вам полных лет?

— Шестьдесят шесть.

— Почему же не на пенсии?

— Какая, к лебедям, пенсия?! Коммуналка, кредиты, внуки... Не при социализме живем.

Врач сочувственно покивал.

— Ну те-с, закатайте рукав, измерим вам давленьице... так-так... та-ак...

— Что там, доктор? Давление есть?

— Ещё как! Сто восемьдесят на сто двадцать. Предынфарктное у вас давленьице.

Придётся сделать укольчик, а потом поговорим о госпитализации. Какие у вас привычные показатели верхнего и нижнего?

— Я не слежу.

— Весьма опрометчиво, — шевельнул кустистыми бровями врач. — А инфаркт следит.

— Не пугайте, доктор, — вяло отмахнулся Владимир Иванович.

— Охнуть не успеете и — со святыми упокой, — настаивал врач. — Кувырком, как говаривал один мой пациент. Покойный.

— Чему быть, тому не миновать, — хмыкнул Владимир Иванович.

— Фаталист, значит? — с ироничным прищуром спросил врач. — Тогда зачем вызывали скорую?

— Тут вы меня подловили, — согласился Владимир Иванович и вдруг, округлив глаза, прошептал: — ...Ох, доктор.

— Что такое? Вам хуже?

— Наоборот! Пойдите-ка... Да, так и есть: больше не колет, не жмёт и не ломит.

Кажется, отпустило.

— Кажется или в самом деле отпустило?

— Правда, правда, — заверил Владимир Иванович, — совсем ничего не чувствую.

— Что ж, давайте ещё разок измерим вам давленьице... так-так... та-ак...

— Ну что там, доктор? — поторопил Владимир Иванович.

— Чудеса! — врач с треском снял манжету тонометра. — Сто сорок на девяносто. Пожалуй, обойдёмся без инъекции и госпитализации. Вот вам пилюлька — это «капотен», положите под язык и рассосите.

— Видите, — оживился Владимир Иванович, приподнимаясь на диване, — как вы благотворно на меня повлияли. Извините, что понапрасну обеспокоил.

— Лежите спокойно! — предостерег врач. — Рано трубить «в атаку». Минуток через десять ещё разок проверим давленьице — поглядим, подействовала ли таблетка. Если снизится до нормы, вот уж тогда смело ставьте свечку великомученику Пантелеймону.

— Кому-кому? — не понял Владимир Иванович.

— Святой такой. Заведует целительством недужных, покровительствует врачам и воинам.

— А! Да я, знаете, не особо верующий.

— Агностики, выходит? «И то и другое — недоказуемо», так?

— Не совсем даже так. В юриспруденции есть железное правило: бремя доказывания лежит на стороне, выдвинувшей то или иное утверждение... А вы сами-то, доктор, между прочим, верующий?

— Нам, врачам, уверовать и того сложнее. Профессия у нас слишком приземлённая. Я знаю одно: через несколько минут после остановки сердца мозг умирает. А с душой за всё время практики мне сталкиваться не доводилось. Душа понятие нематериальное, из области теологии и литературы, а не медицины.

— Значит, в жизнь после смерти тоже не верите?

Врач, уже поднявшийся было со стула, внимательно посмотрел на пациента и сел обратно.

— Как вам ответить?.. И да и нет.

— Не понимаю. Что значит «и да и нет»? Мне представляется, тут либо «да», либо «нет». Середины в таком вопросе быть не может.

— Скажите, Владимир Иванович, — вопросом на вопрос ответил доктор, — вы знакомы с общей теорией относительности?

— Очень относительно, — признался больной.

— А с квантовой теорией?

— Ну вы и спросили! — возмутился Владимир Иванович.

— Так вот, согласно теории квантовой механики фундаментальным свойством Вселенной является принцип неопределённости, а основной постулат теории относительности гласит, что абсолютного времени не существует.

— И что из того следует? — поднял брови Владимир Иванович.

— Из сего следует, что для каждого наблюдателя время течёт по-разному. Не вдаваясь в научные детали, такой эффект порождается гравитацией.

— Допустим, — пожал плечами Владимир Иванович. — А нам-то что с того?

— Ну, не будем обижать старика Эйнштейна допущением, — усмехнулся доктор, — примем как данность: время — понятие относительное. Для иллюстрации: многие люди считают отмеренный им срок жизни несправедливо коротким. Между тем, бабочка ручейника — знаете, такое малюсенькое насекомое вроде ночного мотылька с прозрачными крылышками? — живёт от силы недели две. Мгновение, по нашим человеческим меркам. Но для ручейника это полноценная, наполненная событиями жизнь, за которую он успевает найти свою вторую половинку, оставить потомство, состариться и умереть. Кстати сказать, исходя из той же классической теории относительности пространство и время могут образовывать замкнутую поверхность без границ. Понимаете, о чём я?

— Если честно, не вполне.

— Тогда вот вам ещё пример. Некоторые далёкие звёзды, расположенные от нас за сотни, тысячи и даже миллионы световых лет, на самом деле давно погасли, однако нам они продолжают светить, для нас они по-прежнему, если так можно выразиться, «живы»... Или вот ещё: уж про чёрные-то дыры вы наверняка слышали? Да? Отлично! А про эффект гравитационного замедления времени? Нет? Ладно, поясню: гравитационное поле чёрной дыры, то бишь сила её тяготения настолько чудовищна, что не выпускает наружу даже свет. Поэтому с точки зрения внешнего наблюдателя все физические процессы падающего в дыру объекта — предположим, космического корабля — идут всё медленнее и медленнее. Пока вовсе не замрут. Иначе говоря, по мере приближения космического корабля к так называемому «горизонту событий» чёрной дыры этот самый корабль — опять же, с точки зрения стороннего наблюдателя — замедляется сильнее и сильнее. И в конце концов останавливается. На самом-то деле ничего подобного не происходит. Просто внешний наблюдатель никогда не сможет увидеть, как корабль пересечёт горизонт событий и ухнет в недра чёрной дыры. Он так и останется вечно висеть на границе горизонта. Теперь понятно?

— Опять не догоняю, — нахмурился Владимир Иванович. — Про всё это я, кажется,

где-то уже слышал или читал, но... к чему все эти мудрёные примеры из астрофизики?

— Хорошо, вот вам пример из жизни. Установлено, что сон человека имеет быструю и медленную фазы. И именно в быстрой фазе мы видим цветные, наполненные многочисленными яркими событиями сновидения. Но при этом фаза быстрого сна — самая короткая и в реальности длится десять-пятнадцать минут от силы.

— Знаю-знаю! И всё одно не пойму, к чему вы ведёте?

Врач сокрушённо вздохнул и покачал головой:

— Я веду к тому, что это для нас, для живых, то есть для внешних сторонних наблюдателей, время умирания мозга после остановки дыхания — лишь короткий миг. Но для самого умирающего этот процесс может занять... вечность! Во всяком случае, промежутки времени, сравнимый со всей его прошедшей жизнью.

— Любопытная у вас теория, — помолчав, заметил Владимир Иванович и с кряхтением потянулся на диване, — в чём-то утешительная для нас, атеистов. Впрочем, сам я убеждён, что никакого посмертного существования нет, всё это басни. То есть мы, конечно, не исчезаем бесследно, это противоречило бы закону сохранения материи, просто становимся, образно говоря, землёй и травой и, в итоге, даём жизнь другим земным существам. В этом я схожусь скорее с индуистами, нежели с буддистами, с их растворением в «вечном ничто»... Ох, простите, доктор, заболтал я вас, а уже вон скоро три — светает.

— Ничего-ничего, вы интересный собеседник. Хотя мне и впрямь пора, — врач бросил озабоченный взгляд на смартфон. — Поступил новый вызов. Нуте-с, прощайте, голубчик. И берегите себя! Сердечко у вас порядком изношенное, а потому авария может случиться весьма внезапно. Избегайте чрезмерных нагрузок и, главное, следите за давлением.

— Спасибо, непременно. Завтра (точнее, уже сегодня) у нас суббота, так что махну на дачу и засяду с удочкой у озера. Лучший отдых! Полный релакс.

Врач с сомнением покачал головой, но возражать не стал.

А Владимир Иванович, проводив доктора, ощутил неожиданный прилив сил. Он привёл себя в порядок, позавтракал и ещё затемно выехал на дачу. В пять утра он уже был на месте. Не мешкая, накопал в огороде червей, взял удочку и отправился к заветному озеру.

Углубившись в лес и миновав оставшуюся в память о войне заполненную водой воронку, он вышел на извилистую, перевитую сосновыми корнями тропку и споро зашагал дальше. Сосновый лес по сторонам сменился широколиственным, потом густым ельником. Чернушек, валуёв и разных подгрудков была такая пропасть, что стоило сойти с тропы, как они, скрытые опавшей хвоей, начинали хрустеть под ногами. «Надо будет насобирать пару корзиночек для холодного соления», — мелькнула у Владимира Ивановича мысль.

Вот высокие стебли быльника скрыли его с головой; увенчанные дымчато-белыми облачками соцветий, они источали густой пряный аромат. Тут лес по левую руку отступил, и возникла сплошная непролазная стена ольшаника. Если не знать заранее, ни за что бы не углядеть начинавшуюся за одним из ольховых кустов топковатую рыбацкую стёжку, уводящую от основной тропы влево; она причудливо виляла между кочками, щетинившимися пучками острой осоки.

Местность постепенно становилась всё низменнее, всё сырее. В неглубоких овражках-мочажниках там и сям стали встречаться оконца с болотной водой, куда, почуяв человека, плюхались пугливые лягушки; под ногами захлюпало, и вскоре Владимиру Ивановичу, чтоб не набрать в ботинки воды, пришлось шагать с кочки на кочку.

Пройдя ещё с десяток шагов, он вышел на пологий берег заболоченного лесного озерца. Хотя как такового берега видно не было — мощные стебли двухметрового рогоза, начинаясь посуху, стройными рядами заходили глубоко в воду, съедая границу береговой линии. Лишь небольшой утоптаный пяточок подсохшего торфа, на который встал Владимир Иванович, был свободен от растительности.

Владимир Иванович окинул взглядом хорошо знакомый пейзаж: пышная болотная растительность плотной, непроницаемой для ветра стеной окружала топкой водоём; на заднем плане вечно зеленели вековые ели и сосны; в прохладном, подёрнутом молочной дымкой утреннего тумана воздухе над поверхностью воды зависли крупные стрекозы. В этом обособленном, замкнутом на самого себя мирке время словно затормозило обычный размеренный бег.

На лежащем посреди голого пяточка замшелом бревне в первых лучах восходящего солнца грелась дюжина серых ящерок. Завидев гостя, они прыснули в стороны; небольшая флотилия толстых изумрудно-зелёных квакш лениво отчалила от берега.

Владимир Иванович размотал удочку, наживил червя, забросил крючок в свободное от ряски водяное оконце рядом с берегом и прислонил удилице к бревну. Потом,

присев на корточки у кромки воды, тихонько разогнал ладонью ряску и заглянул в озёрную глубь.

Там всё кишело жизнью: у поверхности кверху брюшками шныряли длинноногие водяные клопы, дальше, в хаотичных лабиринтах многометровых плетей урути, кружили стайки жуков-вертянок; на самых сочных стеблях водоросли затейливыми пагодами лепились крупные раковины прудовиков; вон блеснул воздушный кокон водяного паука-серебрянки, а вот, раздвигая плети урути, поигрывая хищными жвалами, важно продефилировал высматривающий добычу плавунец.

Вдруг он заметил меж толстых корневищ аира длинную ящерку с плоским хвостом — тритона, который, казалось, внимательно наблюдал за Владимиром Ивановичем... Но тут его поплавок многообещающе повело к берегу, а после и задёргло. Владимир Иванович осторожно поднял удище и замер в ожидании. Но, не утерпев, дёрнул, леска напряглась на миг, и с крючка с плеском шлёпнулось нечто увесистое.

Владимир Иванович не расстроился — главное, клёв есть. Наживив свежего червя, он снова забросил крючок. И поплавок моментально повело к тинистому берегу. На сей раз он не спешил подсекать, хотя клевало уже беспрерывно. Наконец, когда особенно сильная поклёвка утянула поплавок под воду целиком, Владимир Иванович энергично, но не резко, потянул... и вот — на крючке, переливаясь живым серебром, бьётся златоперый карась.

Владимир Иванович сунул карася в садок, опустил в воду и принялся по новой наживлять крючок. Чувство полного умиротворения, почти блаженства, накрыло его. Владимир Иванович знал, что наступающий летний день будет долгим, бесконечно долгим...

* * *

Испробовав все доступные реанимационные мероприятия, врач утёр вспотевшее лицо и резко выдохнул.

— В три часа десять минут утра двадцать первого августа текущего года констатирую смерть пациента; возраст — шестьдесят шесть полных лет, причина смерти — острая сердечная недостаточность, вероятно — повторный инфаркт миокарда неуточнённой локализации... Кувырком, чёрт меня побери!

Доктор машинально перекрестился и навсегда закрыл Владимиру Ивановичу стекленеющие глаза.